

Афганские мифы

От редакции. *Сегодня вопрос о возвращении РФ в Афганистан приобретает особую актуальность, ведь самоустранение России как игрока на афганской арене привело к тому, что наше государство потеряло прежних союзников, не приобретя новых. Ав связи с недавно состоявшейся неформальной встречей послов НАТО со спецпредставителем России в НАТО эта тема приобрела еще большую актуальность.*

*Во вторник 27 января 2009 года в деловом центре "Александр Хаус" состоялся круглый стол, организованный совместно Институтом демографии, миграции и регионального развития, Фондом эффективной политики и редакцией "Русского журнала". Встреча была посвящена "Новой афганской политики России". Ниже приводится выступление модератора круглого стола **Юрия Васильевича Крупнова**.*

* * *

Тема Афганистана неожиданно получила большую конъюнктурную значимость в связи с состоявшейся накануне неформальной встречей послов НАТО со спецпредставителем России в НАТО Дмитрием Рогозиным. На этом заседании были сделаны серьезные заявления, касающиеся НАТО. Судя по этим заявлениям, помимо сложной и трудно разрешимой ситуации вокруг Украины и Грузии, центральным вопросом и одним из главных направлений позитивного сотрудничества для НАТО и России является обеспечение операции в Афганистане.

Проблема, нужно ли России поддерживать НАТО в Афганистане, сразу приобрела более выпуклый характер: теперь нельзя просто говорить о том, нужно или нет, а нужны серьезные аргументы. То, что сегодня приводится в качестве аргументов, например, тем же уважаемым Дмитрием Олеговичем Рогозиным, безусловно, требует серьезного разбора.

Мне, впрочем, кажется, что это аргументы несколько другого времени, а не 2009 года. У меня создается ощущение, что мы опять потихонечку возвращаемся в осень 2001 года, когда после известных событий 11 сентября, мы принимали решения, на мой взгляд, не совпадающие со стратегическими интересами России. И это, может быть, даже более важно, чем возможность решить проблему Афганистана.

Задача нашего круглого стола заключается в том, чтобы мы изложили свои точки зрения, аргументы «за» и «против» сотрудничества с НАТО, «за» и «против» поддержки НАТО в том, что альянс сегодня совершает в Афганистане. Я свою позицию кратко заявлю – она достаточно жесткая и однозначная, не очень дипломатичная. Но я надеюсь, что поскольку здесь присутствуют более выдержанные политологи и тем более дипломаты, то даже если я буду где-то слишком жесток и однозначен, в итоге мы перейдем к нормальному, выдержанному и объективному обсуждению ситуации.

На мой взгляд, сегодня в отношениях России и НАТО по Афганистану существует несколько мифов, которые определяют поведение политической элиты Российской Федерации. Прежде всего, элиты не первого, а второго эшелона.

Первый миф состоит в том, что НАТО вместе с Соединенными Штатами (я специально выделяю США, хотя это, безусловно, ключевой член НАТО) решают проблемы России фактически за свой счет, тратя в совокупности несколько сот миллиардов долларов. Мол, если бы войска НАТО, составляющие в настоящее время около 70 тысяч человек, не находились на территории Афганистана, то Россия сполна получила бы массу негативных последствий, вплоть до самых трагических.

Второй миф, такой же укорененный, но более конспирологический и больше неформальный, – это когда люди, претендующие на владение реальной ситуацией и играющие в *real politic*, начинают рассуждать так. Да, конечно, НАТО – это амбициозный и очень агрессивный блок. Он решительно настроен против России. Конечно, мы не должны поддерживать НАТО в Афганистане. Но мы должны приветствовать то, что НАТО находится в Афганистане, потому что резко ослабляет США и НАТО, в результате чего, как сказал мне один высокопоставленный чиновник, НАТО и США в Афганистане загнутся – он употребил именно это слово – и главным выгодополучателем этого процесса станет Россия.

Вот, на мой взгляд, два мифа, которые внешне прямо противоположны.

Помните, еще недавно очень модным на телевидении был такой рекламный слоган: «“Тэфаль”, ты всегда думаешь о нас». Поскольку этот слоган, очевидно, очень сильно внедрился в умы наших элит, то представители первой позиции говорят: спасибо тебе, НАТО, что ты решаешь наши проблемы за нас, и хорошо, что нас не трогают, мы можем по-прежнему занимать позицию невмешательства. А вторая позиция состоит в том, что НАТО там очень плохо, НАТО залезло в свой второй Вьетнам, и поэтому чем хуже НАТО, тем лучше России.

На мой взгляд, и первая, и вторая позиции, во-первых, не отражают реальную ситуацию. А во-вторых, ни позиция победы НАТО, ни позиция поражения НАТО не отвечает долгосрочным интересам ни мирового сообщества, ни России.

По поводу того, что НАТО решает наши вопросы за нас. Конечно, главным козырем являются ужасные талибы. Дмитрий Олегович Rogozin в свойственной ему талантливой и артистичной манере повторил это на «Эхе Москвы». Мол, если бы не НАТО, стоящее в Афганистане, то эти талибы давно бы дошли до Москвы и, примерно как германские войска в октябре 1941 года, уже бы стояли под Москвой. Дмитрий Олегович прямо заявил: представьте, если бы НАТО не было в Афганистане, талибы и другие экстремисты были бы уже как минимум в Казахстане и наши русские парни погибали в боях в Казахстане.

Те, кто знает реальную проблематику и изучал историю формирования массового сознания, те прекрасно знают, что эта конструкция про то, что талибы скоро дойдут до Москвы, до Волги и представляют реальную опасность для России, родилась в 1998 году, прежде всего в американских СМИ. Тогда талибы, понимая, что они вдруг, неожиданно из спецотряда, который реализовывал отдельные спецоперации, превращаются в ведущую политическую силу Афганистана и имеют возможность стать фактически государствообразующей силой, практически перестали подчиняться и тем людям в Пакистане, которые непосредственно создавали «Талибан», и тем людям в США (прежде всего в ЦРУ), которые активно участвовали в создании «Талибана». После того как «Талибан» стал неуправляемым, первой идеологической реакцией была идея о том, что «Талибан», собирая экстремистов со всего мира, будет направлять свою деятельность прежде всего против Средней Азии, а потом России.

Эту конструкцию можно проследить по газетам тех лет, в том числе и по нашим, где политологи разных ориентаций в унисон рассуждали о том, что скоро талибы будут на Волге – это дословная цитата. Даже если какие-то основания для этой конструкции были в конце 90-х годов, то талибы 1996-го, 1998-го, 2000-го и 2009 года – это совершенно разные талибы, которых сравнивать между собой может только человек, абсолютно не понимающий реальную ситуацию.

Уже в 2000 году талибы стали выполнять многие требования международных организаций и мирового сообщества. В 2001 году фактически в 20 раз было снижено производство героина и урожай опиатов по требованию международного сообщества – так они хотели международного признания.

В настоящее время «Талибан» не является централизованной структурой, объединяющей всю оппозицию и реальные силы сопротивления в Афганистане. «Талибан» как единая сила не существует. Очень смешным отражением этого является то, что два очень серьезных политолога, с которыми я обсуждал проблемы «Талибана», два совершенно разных человека, не сговариваясь между собой, сказали, что звонят по одному и тому же телефону пресс-секретарю муллы Омара. При этом никто не знает, где находится владелец этого телефона, но он бодро и с большим тоже артистизмом рассказывает о том, что в очередной раз что-то совершило движение «Талибан». Фактически он выступает неформальным и абсолютно никем не уполномоченным представителем этого якобы существующего централизованного движения «Талибан».

Второй миф, связанный с тем, что НАТО погибает в Афганистане, что это второй Вьетнам, где НАТО найдет свою погибель. Это не так. И более того, для американского истеблишмента подобные сравнения являются предметом шутки. 21 января в Госдепе Хиллари Клинтон представляла в качестве спецпредставителя США по Афганистану и Пакистану Ричарда Холбрука – виднейшего дипломата, жесткого дипломата, который фактически был одним из авторов югославского разгрома. Холбрук в небольшом выступлении даже пошутил. Я сначала не понял, почему люди смеются. Дело в том, что Холбрук начинал свою карьеру в Сайгоне во время войны во Вьетнаме. Он сказал: я здесь вижу Негропonte, с которым мы жили в Сайгоне в одной комнате. Так вот, я уверен, что ситуация в Афганистане будет принципиально иной, чем тогда в Сайгоне. И все засмеялись.

Это очень точный показатель того, что никто в американском истеблишменте не рассматривает Афганистан, в отличие от того же Ирака, как какую-то черную дыру, которая всех засасывает против воли, из которой надо быстрее уходить. Наоборот, как мы знаем, США официально заявили о вводе 20-30 тысяч человек дополнительного контингента. И если мы посмотрим на то, как серьезно поддерживается этой войной военно-промышленный комплекс, на то, какие геостратегические и военно-политические задачи решают США и НАТО, имея 13 авиабаз (из них две – Баграм и Шинданд – крупнейшие, со взлетно-посадочной полосой более 3,3 километров), мы увидим, что НАТО и США чувствуют себя в Афганистане прекрасно.

И только абсолютное незнание реалий позволяет фантазировать на тему того, что там им будет плохо, они загнутся, и кто-то от этого что-то получит.

Таким образом, эти два мифа показывают, я бы сказал, серьезную неадекватность наших политических элит или нежелание заняться тем, что на сегодня представляет нерв мировой политики. Барак Обама сказал незадолго до инаугурации, что Афганистан – это фокус всей внешней американской политики. Серьезнейшие люди, серьезнейшие силы

собираются вокруг Афганистана, это точка, от ситуации в которой действительно зависит вся мировая политика. Наша элита, как мне кажется, неадекватна этой ситуации, не понимает ситуации, не знает, что предложить, и не может ничего предложить.

Когда говорят, что НАТО и США очень плохо себя чувствуют в Афганистане, то мы видим, что США и НАТО прекрасно разыгрывают эту ситуацию. И помимо получения военно-стратегического плацдарма – уникального, контролирующего всю, так сказать, бензоколонку США в лице Ближнего и Среднего Востока, помимо этого решаются тысячи вопросов.

Перечислю самые простые. Первое – это серьезное взаимодействие непосредственно в подбрюшье с Китаем. После появления в Financial Times статьи Бжезинского о том, что надо формировать двойку, то есть фактически союз США и Кита – не восьмерку, не семерку, и не двадцатку, а двойку – на мой взгляд, стало очевидно, что для США и Китая в Афганистане создан серьезнейший интерфейс для переговоров и долгосрочного взаимодействия. И никакой абстрактной конфронтации между ними – такой, знаете, детской: эти плохие, эти хорошие, это враги – между ними в последние двадцать лет не было и нет.

Второй момент – это вопрос о связях США с Ираном. Афганистан в последние полгода выступает ключевым переговорщиком между США и Ираном. Пока мы повторяем все лозунги прошлого года, а кто-то и десятилетней давности, реально меняется мировая геополитическая карта, и Средний Восток, Центральная Азия кардинально преобразуются, а американцы всю договариваются с Ираном через Афганистан, используя этот плацдарм.

Я могу продолжать эти примеры. Самый яркий, одно из главнейших событий уходящего года – это, конечно, теракт в Мумбаи. Всем очевидно, что тем самым Индия втягивается в ситуацию в Афганистане через напряжение с Пакистаном. И тем самым все ключевые игроки – Иран, Индия, Китай – фактически перестали существовать на Среднем и Ближнем Востоке, и осуществляется гегемония в целях контроля прежде всего углеводородных и иных ресурсов и решения геополитических задач.

Кратко подытожу. Я считаю, что вопрос не в том, поддерживать НАТО или нет, или, например, с завтрашнего дня запретить транзит невоенных грузов НАТО через Россию. Проблема не в этих судорожных и истеричных шагах, и не в бесконечном фантазировании по поводу того, что НАТО решает за нас наши проблемы, сдерживает талибов, которые завтра будут стоять у Москвы. Мне кажется, от этих сказок – я другого слова просто не найду, кроме еще какого-то более ругательного, – нужно переходить к трезвому пониманию ситуации и к обнаружению интересов России. А они известны: Россия и, в частности, российская Сибирь, Зауралье, до Дальнего Востока, кровно заинтересована в прямом, тесном, прежде всего экономическом сотрудничестве со Средним Востоком, где Средняя Азия – наш естественный плацдарм и медиатор. И потому мы должны выходить на новую афганскую политику, решать наши задачи, проводить наш курс, а не придумывать мифы и сказки, чтобы как-то существовать в этой сложной ситуации финансового кризиса и меняющейся геополитической карты мира.